

о том, как превратить наше общество в «корпорацию Россию», сделать страну всего лишь «конкурентоспособной». Обществу в период избирательной компании навязывалось мнение, что «иного не дано» и что выбор сделан. В этом и была причина депрессии и молчания, использования административного ресурса властью и игнорирования выборов всех уровней большинством народа.

В ближайшие годы нам предстоит третья перестройка. Станет ли она синтезом – после тезиса и антитезиса – покажет время. Любые действия, направленные на деградацию или развитие культуры, разрушение или созидание традиционной нравственности, воссоздание или разделение частей некогда единой страны, разрушение или интеграцию нынешней РФ, могут и должны рассматриваться в едином силовом поле исторического процесса. Например, изменение структуры федеративного устройства России и переход на укрупненную систему городских агломераций, может по-разному рассматриваться в контексте образования русского социалистического государства или в контексте распада буржуазной российской государственности и формирования панславянского мондиалистского союза.

Будет ли трагедией распад РФ для русского народа и его ядра – людей социалистической ориентации? Полагаем, что нет, поскольку сегодня у русских «забрали» государство, его нет, и распад России станет ступенью к дальнейшей эволюции подобно тому, как распад Римской империи не был трагедией входивших в его состав народов – он стал началом возникновения и развития современных европейских наций.

С.А. Нефедов

Екатеринбург

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ О НАСЕЛЕНИИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА⁹¹⁰

Выход в свет книги Б. Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России»⁹¹¹ вызвал бурную дискуссию на страницах ведущих журналов⁹¹². Опрокидывая устоявшиеся представления, Б. Н. Миронов пытается доказать, что с начала XIX в. уровень жизни в России повышался, и «самые впечатляющие успехи» были достигнуты в 1861 – 1914 гг.⁹¹³ Понятие «уровня жизни» достаточно неопределенное, и Б. Н. Миронов использует «альтернативный показатель» – дефинитивный рост людей, достигаемый к моменту наступления полной физической

---

⁹¹⁰ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ 11-11-66003 а/У

⁹¹¹ *Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М., 2010.*

⁹¹² Вопросы истории. 2010. № 10; Общественные науки и современность. 2010. №5; Российская история. 2011. № 1

⁹¹³ *Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 690.*

зрелости. «За 50 лет, 1866 – 1915 г. рост увеличился на 4,5 см – с 164,5 до 169 см... Прорыв в уровне биостатуса произошел после Великих реформ, только после вступления России в эпоху рыночной экономики»⁹¹⁴.

Здесь необходимо сделать важное для дальнейшего замечание: Б. Н. Миронов привлекает рост рекрута к году его рождения. Поэтому фраза об увеличении роста в 1866 – 1915 гг. означает, что мужчины 1910 – 1915 гг. рождения в среднем имели рост на 4,5 см больше, чем мужчины 1866 – 1870 гг. рождения. То обстоятельство, что мужчины 1910 – 1915 гг. рождения в действительности жили в СССР и их рост был измерен много десятилетий спустя, Мироновым не учитывается. Их рост в 169 см – это в интерпретации Миронова, свидетельство достижений имперской России.

В доказательство своих слов о «прорыве в уровне биостатуса» Б.Н. Миронов приводит данные, почерпнутые из различных источников. Для периода 1866 – 1895 гг. это, во-первых, суммарные данные о росте рекрутов, агрегированные чиновниками из рекрутских присутствий, во-вторых, это индивидуальные данные, обработанные самим Б.Н. Мироновым. Две группы данных показывают разную динамику, если по суммарным данным средний рост увеличился на 2,2 см, то по индивидуальным данным существенного увеличения не наблюдалось (табл. IV.13)⁹¹⁵. Б.Н. Миронов отдает предпочтение «суммарным» данным, показывающим увеличение роста. Однако, как мы показали в одной из статей, суммарные данные зависят от способа агрегирования: чиновники объединяли рекрутов в группы, каждой из которых приписывался рост в целое число (допустим, в N) вершков. До 1869 г. чиновники объединяли в группу с ростом N рекрутов, имевших в действительности рост от N до $N+7/8$ вершка. Однако после 1869 г. они стали приписывать рост N рекрутам, имевшим рост от $N-3/8$ до $N+4/8$ вершка. Этот переход вызвал зафиксированные документами скачкообразное увеличение роста рекрутов в различных губерниях (правда, в разных губерниях в разные годы). В целом переход на другую систему обработки данных должен был дать формальный прирост роста рекрутов в 2,2 см – это как раз тот прирост, который фиксируют суммарные данные Миронова⁹¹⁶.

Таким образом, до 1895 г. в реальности рост рекрутов не увеличивался. Что же происходило дальше? Миронов обычно приводит две группы данных: по росту новобранцев, и по росту «референтной группы», в последнем случае данные корректируются с учетом возраста, национальности, сословной принадлежности и т. д. Коррекция проводится так называемым «методом наибольшего правдоподобия», но насколько применим этот метод в данном случае остается неясным. В некоторых случаях он приводил Миронова к явно неправдоподобным результатам, например, в его расчетах средней (за весь XIX в.) рост 18-летних мужчин получался на 1,73 см меньше среднего роста 17-летних⁹¹⁷.

⁹¹⁴ Там же. С. 274.

⁹¹⁵ Там же. С. 185.

⁹¹⁶ См.: Нефедов С. А. К дискуссии о причинах русской революции // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 129 – 131.

⁹¹⁷ Миронов Б. Н. Состояние и перспективы исторической антропометрии в России // История и математика: процессы и модели. М., 2009. С. 52-53. Табл. 4.

В итоге, по нескорректированным данным мы видим в 1891 – 1895 гг. подлинную катастрофу: рост новобранцев уменьшается на 2,3 см. Коррекция Миронова уменьшает это падение до 1,2 см, но и в этом случае масштабы катастрофы впечатляют. Миронов предпочитает не объяснять, в чем заключалась причина этой катастрофы, омрачившей «самые впечатляющие успехи». Катастрофа не может быть объяснена голодом 1892 г.: по данным Миронова, тяжелое положение сохранялось вплоть до 1905 г., после чего, собственно, и начинается «прорыв в уровне биостатуса». За 1905 – 1915 гг., несмотря на революцию 1905 – 1907 гг. и голод 1911 г., рост мужчин увеличивается на 2,2 см, демонстрируя феноменальное повышение жизненного уровня. И даже во времена революции 1917 г. и гражданской войны жизненный уровень остается отменно высоким: сравнительно с процветанием 1911 – 1915 гг. рост мужчин уменьшается лишь на 0,3 см.

Естественно, что столь впечатляющие данные вызвали сомнения многих историков. Некоторые, не будучи в состоянии что-либо возразить этому потоку цифр, писали просто: «Не верю!»⁹¹⁸. Поэтому необходимо разобраться, как в происхождении этих цифр, так и в том, что же реально они отображают.

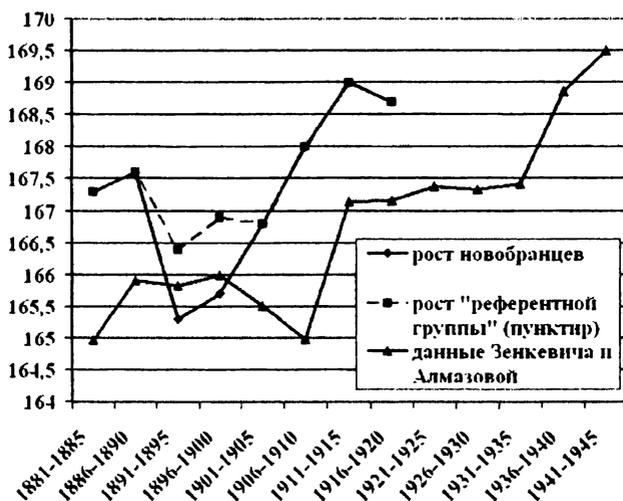

Рис. 1. Динамика роста мужчин (по годам рождения в см) по данным Миронова, Зенкевича и Алмазовой⁹¹⁹.

⁹¹⁸ Россия в истории: от измерения к пониманию. Новая книга Б. Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. 2011. № 1. С. 150.

⁹¹⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 273. Табл. VI.1; Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Об изменении размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Проблемы размеров антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 64 – 71.

Как отмечалось выше, обычно Миронов приводит первичные и скорректированные данные о росте населения. Но для данных о 1901 – 1920 гг. он отказывается от этой практики и приводит некие «выборочные средние по индивидуальным и суммарным данным»⁹²⁰. Каким образом подсчитываются «выборочные средние» неизвестно, а источники «индивидуальных и суммарных данных» для 1901 – 1920 гг. не указываются. Можно только догадываться, что одним из этих источников являются материалы П. И. Зенкевича и Н. Я. Алмазовой⁹²¹, которые Миронов использовал в своей предыдущей работе⁹²². Зенкевич и Алмазова приводят данные антропометрических обследований, проведенных в 1927, 1957 и 1975 гг., когда было измерено 17 тыс. мужчин разных возрастов. Известно, что после достижения совершеннолетия рост людей практически не меняется, поэтому, к примеру, средний рост 50-летних мужчин, замеренный в 1975 г., можно принять за средний рост мужчин, родившихся в 1925 г.

Таким образом, данные указанных антропометрических обследований позволяют с определенной точностью восстановить средний рост мужчин в изучаемый нами период. Однако данные Зенкевича и Алмазовой дают существенно иную антропометрическую динамику, нежели данные Миронова: они не показывают катастрофы в 1891 – 1895 гг., катастрофа смещается на 1901 – 1910 гг., а в 1911 – 1915 гг. наблюдается огромный скачок роста. Кроме того, на всем промежутке 1881 – 1920 гг. рост мужчин оказывается существенно меньшим, чем по «выборочным средним» Миронова (см. рис. 1). Но главное заключается не в этих противоречиях. Если мы продолжим исследование антропометрической динамики в последующий период, то получим поразительные результаты. По данным Зенкевича и Алмазовой рост очень мало менялся до 1935 г., но затем в 1935 – 1945 гг. произошло резкое увеличение роста. Стало быть, в условиях тяжелой войны наблюдалось значительное улучшение уровня жизни?

В чем причина этой очевидной несуразности? Напомним, что в данном случае мы используем методологию Миронова, считая рост мужчины показателем уровня жизни в год его рождения. Однако относительно этой методологии уже высказывались обоснованные сомнения. «Не является очевидным то, что антропометрические индикаторы отражают уровень жизни исключительно в год рождения», - писал М. Эллман⁹²³. С. Уиткрофт отмечал, что голод мог привести к смерти младенцев, но если

---

⁹²⁰ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 273.

⁹²¹ Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Указ. соч.

⁹²² Миронов Б. Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // *Экономическая история*. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 57–571.

⁹²³ Эллман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // *Экономическая история*. Обзорские / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 11. М., 2005. С. 164.

они выживали, то были все шансы, что их рост догонит рост незатронутых голодом детей, особенно в периоды всплеска роста⁹²⁴. Например, в Нидерландах обследование мальчиков, перенесших в младенчестве голод 1944-1945 гг., показало, что к 18 годам они не уступали в росте своим сверстникам, жившим в благоприятных условиях⁹²⁵.

Итак, очевидно, что методология Миронова неверна: рост не является характеристикой уровня жизни исключительно в год рождения. Об этом свидетельствуют не только отзывы специалистов, об этом говорят массовые данные о дефинитном росте мужчин, родившихся в 1941 – 1945 гг.: оказывается, что эти мужчины обогнали в росте людей, родившихся в довоенный период. Отсюда, конечно, следует, что данные о росте мужчин, родившихся в 1905 – 1920 гг., не могут использоваться как свидетельство «впечатляющих успехов» царской России.

Но о чем же в действительности говорит динамика антропометрических данных? О чем говорит «прорыв в уровне биостатуса» в 1905 – 1920 гг.? Конечно, дефинитивный рост человека зависит от условий, складывавшихся на протяжении его жизни вплоть до совершеннолетия. Однако наибольшее значение имеет уровень питания в период «пубертатного скачка» (или «всплеска роста»), который в современных условиях происходит в 13 – 16 лет. В этот период в связи с резким ускорением роста организм чутко реагирует на условия питания. Голод, перенесенный в период всплеска роста, оставляет след; к примеру, обследование московских юношей, которым в 1943 г. было 13 – 18 лет, показало, что ухудшение питания привело к уменьшению их дефинитивного роста⁹²⁶.

Таким образом, мы можем утверждать, что дефинитивный рост отражает условия жизни человека, в основном, в период пубертатного скачка. В исследуемый нами период этот скачок происходил позже, чем в наше время. Стабилизация длины и пропорций тела сейчас наступает у мужчин уже к 18 – 19 годам, тогда как ранее это отмечалось в 22 – 25 лет⁹²⁷. Соответственно этому сдвигу можно полагать, что до середины XX в. пубертатный скачок происходил в 14 – 18 лет.

Итак, для того, чтобы примерно оценить уровень жизни, скажем, в 1900 г., нужно подсчитать средний дефинитивный рост людей, которым в 1900 г. было 14 – 18 лет, людей, которые родились в 1882 – 1886 гг. У нас нет годовых данных Миронова, но если воспользоваться данными Зенкевича и Алмазовой, то мы получим следующую картину (рис. 2).

---

⁹²⁴ *Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58. P. 44.*

⁹²⁵ *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тернер Дж. и др. Биология человека. М., 1979. С. 435.*

⁹²⁶ *Властовский В. Г. Акселерация роста и развития детей. М., 1976. С. 83.*

⁹²⁷ *Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков Н. В. Антропология. М., 1991. С. 128.*

Конечно, наш метод не претендует на абсолютную точность, и в качественной картине происходящих перемен возможен сдвиг в 1 – 2 года. С учетом этого замечания можно проанализировать предположительную динамику уровня жизни. Итак, в 1900 – 1905 гг. уровень жизни растет, а после 1905 г. начинает падать, но скорее всего (с учетом возможного сдвига) падение началось уже в 1905 г. Падение продолжалось до 1910 г., затем до 1915 г. потребление возрастает, а с 1916 г. начинает уменьшаться. Период гражданской войны и последующих голодовок заканчивается к 1923 г. катастрофическим уменьшением среднего роста мужчин на 1,5 см. Далее начинается впечатляющий подъем уровня жизни: к 1929 г. рост мужчин увеличился на 2,3 см и на 1,0 см превзошел уровень 1916 г. Это – достижение нэпа, которое Миронов выдает за «впечатляющие успехи» царской власти. Что же касается предшествующей этому успеху загадочной катастрофы (которую показывают данные Миронова), то это – не что иное, как катастрофа гражданской войны и послевоенного голода.

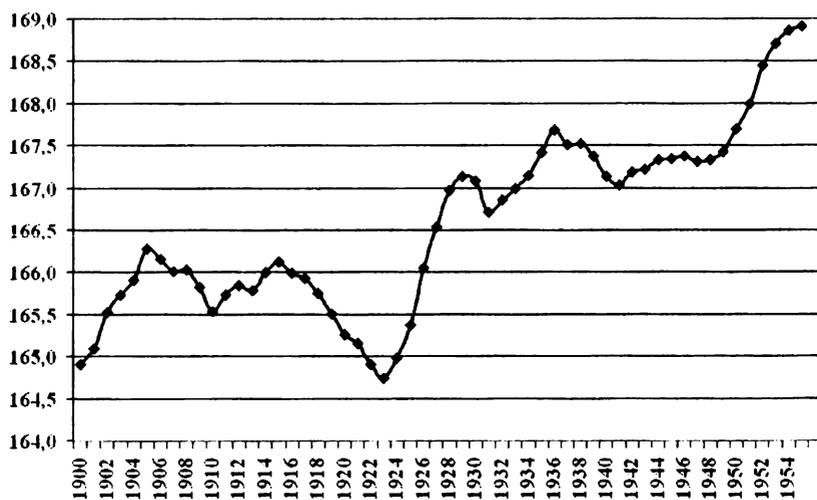

Рис. 2. Динамика среднего роста мужчин.

Продолжая наш анализ, можно заметить, что после 1930 г. происходит падение уровня жизни, связанное с коллективизацией и голодом 1932 г. Заметим, что данные Зенкевича и Алмазовой относятся к городскому населению России, и они не отражают того, что происходило в